

въчеству людей, проникнутыхъ альтруистическими чувствами и склонныхъ все болѣе и болѣе расширять ряды тѣхъ, на которыхъ они направляются.

Что сказано о семьѣ, то слѣдуетъ сказать и объ отечествѣ. Можно относиться добродушно и благожелательно ко всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія; но предпочтеніе соотечественниковъ, людей болѣе близкихъ по историческимъ преданіямъ, языку, по принадлежности къ одному и тому же государству, вовсе не лишаетъ человѣка способности къ высокому самоотверженію. Если человѣкъ, обыкновенно спокойный и миролюбивый, не склонный къ насильничеству, становится въ ряды защитниковъ своего отечества и переноситъ ужасы войны, то уже проявляетъ большое самоотверженіе: интересы его животной жизни и выгоды его семьи были бы, сплошь и рядомъ, гораздо лучше охранены въ томъ случаѣ, если бы онъ остался дома и не подвергалъ опасности своей жизни и здоровья.

Я не вѣрю, чтобы человѣчество могло измѣниться въ короткое время. Этому не вѣрять никто, сколько нибудь изучавшій прошлое и не закрывавшій глазъ на современную дѣйствительность. И, вотъ, съ этой, единственно вѣрной точки зрѣнія, является первостепенно важнымъ вопросъ о томъ, увеличиваются или уменьшаются круги, въ которыхъ люди борются съ наклонностями своей животной природы и воспитываютъ въ себѣ чувство дружелюбія. Чувство пристрастія, на которое такъ рѣзко нападаетъ Толстой, несомнѣнно смягчаетъ борьбу за существованіе. Если человѣкъ любитъ свою семью больше, чѣмъ другихъ людей, но ставитъ себѣ относительно дѣтей извѣстныя нравственныя обязанности, то не будетъ доходить въ борьбѣ за существованіе до крайности, до жестокости, которая проявляется люди, поглощенные только грубыми интересами. У первыхъ жадность къ наслажденію не усиливается, а ослабѣваетъ, ибо любовь наслажденій не примиряется съ наклонностью человѣка воспитывать въ семьѣ альтруистическія чувства. Конечно, человѣкъ любитъ жену, дѣтей, отечество потому, что это ему пріятно. Но мы должны и можемъ сказать буквально то же относительно тѣхъ, которые проникнуты чувствомъ общаго благоволенія къ людямъ: они любятъ всѣхъ; творя добро, они не различаютъ близкихъ и дальнихъ, не различаютъ потому, что это имъ пріятно.

Въ обращеніи къ молодежи Толстой еще болѣе ослабляетъ доказательность своихъ мыслей. Онъ высказываетъ странное по-